

ПОЗДРАВИТЕЛЬНАЯ ТЕЛЕГРАММА юбиляру отъ главнаго священника Кавказскаго Военнаго Округа.

Сердечно привѣтствую, возлюбленный другъ, съ пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ священства. Пробави Господь милость свою Вамъ.

Главный Священникъ *Гумилевскій.*

ПОЗДРАВИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО ЮБИЛЯРУ.

Высокочтимый и Боголюбезный отецъ и сослужитель мой во Христѣ

Николай Густиневичъ!

Въ первый разъ черезъ сорокъ лѣтъ моей жизни и службы здѣсь съ тобою церковь Астраханская украшается такимъ торжествомъ, какъ нынѣшнее, въ свидѣтельство славы твоего пятидесятилѣтняго служенія въ ней на чредѣ пресвитерской. — Съ тобою, за тебя и о тебѣ, твои сослужители съ Архипастыремъ во главѣ возносятъ славу и благодареніе Богу за данную тебѣ великую благодать въ теченіе полувѣка представлять собою для *призывающихъ Господа отъ чистаго сердца, — вѣрующихъ своимъ пастырскимъ словомъ, благоговѣйнымъ горніемъ духа, вѣрою, правдою, чистотою, благочестіемъ, любовію, мирностію и миротвореніемъ, кротостію, терпѣніемъ, — живою образъ истиннаго христіанина и пастыря Христовой церкви, начертанный Апостоломъ.* (1 Тимов. 4, 12; 6, 11; 2 Тимов. 2, 22.)

Не торжество своею рѣдкостію въ чину нашего скромнаго, и, можно сказать, сокровеннаго служенія, но мои личные, въ нѣкоторомъ смыслѣ исключительныя, отношенія къ тебѣ служебныя и житейскія возбуждаютъ живое желаніе принять участіе въ твоемъ свѣтломъ праздникѣ и къ неожиданнымъ припадкамъ небывалаго еще неможенія и расслабленія прибавляютъ душевную скорбь ^о невозможности раздѣлить твою радость личнымъ общеніемъ. Потому замѣняю его писаннымъ словомъ, (если и моему слову въ средѣ моихъ собратій предъ тобою дано будетъ мѣсто).

Изъ нашихъ встрѣчъ на служебномъ поприщѣ, отъ которыхъ у меня хранятся со всею живостію самыя свѣтлыя впе-

чатлївїя, напояну тебѣ передѣ моими собратами въ твой и нашъ нынѣшній празникъ только двѣ.—Это—1) въ совѣтѣ семинарскихъ педагоговъ—въ несчастный періодъ еще не улегшихся бурныхъ пререканій. Памятны мнѣ нерѣдкіе случаи когда симптомы такихъ не безобидныхъ взаимно пререканій умолкали подѣ вплиніемъ твоего простаго заявленія „пустяки! глуности! перестаньте“, сопровождаемаго добродушнѣйшею улыбкою; потому что всѣ—особенно молодые наставники относились къ тебѣ съ полнѣйшимъ довѣріемъ и твою искренность и благожелательность миротворную чтили. А на курсовыхъ испытаніяхъ учениковъ тѣ, у которыхъ оказывался недочетъ противъ счетной системы для опредѣленія благоуспѣшности, находили всегда въ тебѣ такое усердное заступленіе милующаго отеческаго снисхожденія, которому не могли не уступить требовательные по уставу преподаватели.—У кого есть свои учащіяся дѣти, тому дорого такое заступленіе и вспоминается съ благословеніями.—

2) Богъ привелъ мнѣ заступитъ мѣсто непригоднаго преподавателя въ е. ж. училищѣ. То было время перваго преображенія и оживленія этаго училища молодыми, беззавѣтно преданными воспитательному и просвѣтительному дѣлу силами.—Привлеченіе такихъ прекрасныхъ дѣятелей въ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія было дѣломъ того довѣрія, какое питали къ тебѣ молодые, даровитые, честные, знающіе свое дѣло и ему преданные преподаватели семинаріи; сочувствуя твоимъ заботамъ объ училищѣ, они не задумались принять на себя не малый трудъ за грошовое вознагражденіе. Время твоего завѣдыванія этимъ училищемъ было, смѣю думать, лучшимъ,—именно, *цвѣтушимъ* его періодомъ! А ты еще оставилъ въ немъ вкладъ, который до кончины его существованія будетъ прекраснымъ памятникомъ твоей отечески—милосердой заботливости о нищетѣ и беспомощномъ сиротствѣ дочерей нашего сословія—разумью обязанный тебѣ своимъ основаніемъ фондъ при этомъ училищѣ для воспособленія первоначальнаго беспомощно-нищимъ и круглымъ сиротамъ изъ его воспитанницъ при вступленіи въ честный бракъ. Это напоминаетъ мнѣ предупредительность твоего Св. Соимянника, съ именемъ котораго и твое написано на небесахъ,—подавшаго

„нощю оконцемъ узелцы злата“ отцу дочерей для избавленія ихъ отъ страшной нужды стать добычею позора.

Факты изъ моего личнаго житейскаго и религіозно-церковнаго общенія съ тобою во всякомъ другомъ случаѣ были бы не удобны для публикаціи; но на сей день они, думается мнѣ, пригодятся для характеристики твоей свѣтлой личности предъ моими собратами.

Сорокъ лѣтъ назадъ попалъ сюда изъ далекаго края послѣ десятилѣтняго почти безвыходнаго житія въ четырехъ казенныхъ стѣнахъ на педагогическую службу юноша совсѣмъ одинокій, никого и ничего незнающій, никому незнаемый, совсѣмъ отъ житейскаго общенія отлученный. Заявился онъ къ тебѣ на первый разъ,—какими судьбами не вѣдаю,—должно быть отбывая обычную, но не осмысленную и обоюднo-досадную повинность визитную, въ свѣтлый праздникъ: нашелъ тебя съ двумя малютками и принять съ такимъ простымъ, благостнымъ и радостнымъ радушіемъ, какъ будто вѣкъ знакомый и ближній.—И свѣтлый праздникъ освѣтился для одинокаго, чужаго сочувствіемъ семейной, родственной любви. Этотъ фактъ, одинъ изъ тысячи, разумѣется,—ни чѣмъ не могъ быть отмѣченъ въ твоей памяти; а мнѣ онъ живо и отрадно памятенъ и чрезъ сорокъ лѣтъ.

Когда мой покойный товарищъ, другъ и братъ—болѣе близкій, чѣмъ родные, сталъ членомъ твоей семьи: мнѣ открылась полная возможность навѣщать те я въ кругу семьи твоей запросто—по домашнему. Богу угодно было посѣтить меня тяжкими испытаніями на моихъ служебныхъ отношеніяхъ,—до того тяжкими, что не обрѣталось силы воли укрыть отъ своей семьи душевную тугу. Въ такія минуты я зналъ одну открытую дорогу—къ твоему семейному кружку; и всякій разъ подъ вліяніемъ впечатлѣній твоей бесѣды—и не особенно щедрой и, повидимому, не особенно богатой содержаніемъ,—возвращался домой съ облегченнымъ и просвѣтленнымъ сердцемъ.—То не искусство, жизненнымъ опытомъ преобрѣтенное,—то великій Божій даръ, твоей мирной, голубиной души присущій!

Много лѣтъ былъ я учителемъ готовящихся къ пастырскому служенію; а когда самому привелось стать на дѣйствитель-

ный трудъ пастырства и воздѣйствовать на души и совѣсти пасомыхъ: оказалось, что пастырямъ церковнымъ, потребныя науки—и тщательно усвоенныя и съ разумѣніемъ и убѣжденіемъ и одушевленіемъ преподаваемыя,—не даютъ еще самаго необходимаго пастырю умѣнья входить въ живое и дѣйственное общеніе съ сердцама и совѣстями пасомыхъ. Богъ привелъ мнѣ на старости лѣтъ учиться этому умѣнью у тебя, отецъ мой, и благодарю Бога, и радуюсь за моихъ братій сослужителей, избравшихъ такого руководителя пастырей.

Да благословить тебя Христосъ Богъ, да укрѣпляетъ тебя на чредѣ твоего служенія Христову дѣлу и во второмъ полустолѣтїи настолько лѣтъ, чтобы у тебя нашлась бодрость и сила приготовить и проводить меня въ путь всея земли,—если Ему угодно будетъ воззвать меня не въ очередь по списку старѣйшинства. Духомъ молюсь съ тобою и о тебѣ. Помяни и меня въ твоей молитвѣ, отче святой, немощнаго и многогрѣшнаго протоіерея *Григорія Покровскаго*.

Р ъ Ч Ъ,

СКАЗАННАЯ ВО ВРЕМЯ ОВѢДА У ЮБИЛЯРА.

Достопочтеннѣйшій о. протоіерей.

Восемнадцать лѣтъ тому назадъ, на 3 епархіальномъ съѣздѣ духовенства, который былъ въ 1869 году. Вы обратили вниманіе на судьбу бѣдныхъ и сиротствующихъ воспитанницъ изъ дѣтей мѣстнаго духовенства за предѣлами училища, по окончанїи ими курса, и предложили собравшемуся съѣзду образовать при женскомъ епархіальномъ училищѣ особый капиталъ изъ собственныхъ средствъ духовенства съ тѣмъ, чтобы изъ этаго собраннаго капитала выдавать пособіе на первоначальное обзаведеніе тѣмъ бѣднымъ дѣвицамъ, которыя, по окончанїи курса въ училищѣ, имѣютъ выйдти въ замужество.

Ваше предложеніе сочувственно было принято съѣздомъ и высокопреосвященнѣйшій архіепископъ Аѳанасій благословилъ такое благое начинаніе. Все духовенство Астраханской епархіи съ любовію откликнулось на предназначаемое дѣло: капиталъ